Текст · 16 августа 2022, 13:59
Дмитрий Швец,

«Жив ли он, помогите узнать». Какие обращения получает «Русь Сидящая» на фоне новостей о вербовке заключенных в «ЧВК Вагнера»

Основательница фонда «Русь Сидящая» Ольга Романова написала в фейсбуке, что к правозащитникам стали массово обращаться родственники заключенных, которых, предположительно, вербуют в «ЧВК Вагнера» и отправляют в Украину. «Медиазона» поговорила с координатором «Руси Сидящей» Инной Бажибиной, которая общается с близкими заключенных и каждый день читает их письма.

— Как вы узнаете о вербовке заключенных?

— Значит, у меня участок личных обращений. Я читаю письма, которые приходят в адрес фонда из мест лишения свободы, а также отвечаю на сообщения, которые приходят на наш сайт в виде анкеты. И есть электронная почта — это сообщения, приходящие из этих мест лишения свободы в московский офис.

— И с какими вопросами к вам родственники приходят? Что они говорят, чем просят помочь?

— В основном первое: законные или незаконные действия — отправка отбывающих наказание в зону боевых действий? Вот в ответ на этот вопрос наши юристы, юридический департамент, подготовили два материала, где объяснили это все. Таким образом,

я просто даю ссылку людям, а люди сами для себя делают выводы. Если у них уже какие-то конкретные вопросы возникают, то мы пытаемся на них ответить.

Вторая часть — обращения, когда люди постфактум узнают о том, что их родственников нет в той колонии, где они ранее отбывали наказание. И у них появляется предположение, что они могут быть отправлены в зону боевых действий. Они спрашивают у нас, как узнать, где их близкие находятся. И совсем такое — жив ли он? Естественно, мы на эти вопросы ответить не можем, да и не пытаемся. Единственное, что мы можем в этом случае посоветовать — это прочитать материал, который находится у нас на сайте. И второй момент — спрашивать, делать запросы в адрес администрации колонии, потому что именно администрация колонии должна ответить на запрос, где их родственник.

— Бывали такие случаи, когда с высокой степенью достоверности люди могли утверждать, что их родные отправлены в зону боевых действий?

— Как правило, достоверно им ничего не известно. У меня было, наверное, одно обращение, где женщина утверждала, что ей ее муж позвонил из какого-то южного региона Российской Федерации. Он сказал, что он ошибся в своем выборе и просил ее помочь, чтобы его вытащить.

— Ольга Романова писала, что люди жалуются: им деньги не приходят за то, что их родные участвуют в боевых действиях.

— Сейчас пока еще, наверное, не та стадия, когда мы можем точно перепроверить эту информацию и сказать, что да. Действительно, Ольге Евгеньевне поступает масса сообщений в личку; иногда сообщения идут напрямую к ней, а не через фонд. Одно дело написать в личку Ольге Романовой в мессенджере, другое дело — заполнить анкету на сайте. Это две большие разницы. И не буду скрывать, люди напуганы. И не все, наверное, решатся заполнить анкету на сайте с указанием всех установочных данных. А так — да, там большой вал идет.

— Вы пытаетесь как-то классифицировать и систематизировать то, что получаете — в каких регионах это происходит?

— Первые сообщения стали приходить от родственников, чьи близкие отбывали наказание в северо-западных регионах[1]. Потом это планомерно сместилось, там, скажем, в Центральную Россию. Ближе к Уралу или за Уралом — таких обращений не приходило.

Еще раз повторю, мы не можем... Мы не ВЦИОМ, не «Левада», мы не можем делать какие-то выводы на основании поступивших к нам обращений. Нас просят сказать статистику, но наша работа — это ни в коем случае не про статистику вообще. У нас с одной колонии могут пройти три обращения, а из другой колонии — одно. Представьте себе, какая статистика может быть, если, допустим, по данным журналистов — у них свои источники — выходит 200 человек[2], а к нам пришло одно обращение? Поэтому

про статистику вообще нельзя говорить. Ко мне поступило 15 обращений, но это без учета тех, что поступали Ольге Евгеньевне[3]. Большого смысла в этой цифре нет.

— Вы не чувствуете какого-то внутреннего противоречия в связи с тем, что вас о помощи просят родственники людей, которые, в общем-то, военные преступники?

— Я буду сейчас говорить о родственниках, да? Родственники ни в чем не виноваты. Согласитесь, они находятся в неведении, и они искренне против того, чтоб их близкий человек мог погибнуть. У кого еще не совсем атрофировались человеческие чувства, естественно, что они против. Мать или жена, они боятся потерять человека своего близкого и пишут, их пугает неизвестность, пугает возможность его гибели.

Еще один момент: все-таки заключенные — нельзя говорить, что они добровольцы. Мне просто звонил один адвокат, у нее доверитель отбывает наказание в тверской колонии, она была с ним на встрече, и он ей рассказал, как все это происходит. Представьте себе человека, подчас неграмотного — у нас ужасающая неграмотность, несмотря на то, что они прошли суды — у которого срок, допустим, 10 лет. А ему говорят: слушай, полгода — и все, ты свободен. И они цепляются. У них в голове бьется только это, больше ничего. Или ты сидишь 12 лет, или ты через полгода свободен. Они не понимают ничего другого, не хотят понимать. Их поставили перед выбором. Многие выбирают именно эту призрачную свободу.

Это очень сложно, и я ни в коем случае не могу давать оценку их действиям. Конечно, это все ужасно, вообще ужасно все, что происходит. Но в данном случае, видите, нашли вот такой крючочек, и многие на это ведутся. Причем родственники пишут, что человек согласился, а потом отказался. Видимо, соглашаются, оказавшись под каким-то гипнозом посулов, обещаний, еще и инстинкт толпы — их собирают толпой на плацу. А потом — видимо, переночевав, обдумав и, возможно, связавшись каким-то образом с родственниками — они отказываются. Им просто дают очень сложный выбор. Первое, что у них звучит: через полгода я свободен. Я ни в коем случае не хочу это оправдать, но это такой универсальный крючок для заключенных.

— А не удалось пока прояснить вопрос, как эти выезды оформляются юридически?

— Мое мнение: смотрите, этапирование в другую колонию — это абсолютно законный способ перевести заключенного туда, куда требуется. Администрация колонии, которая отправляет его по этапу, ничем не рискует, у них все законно и обоснованно — переведен в другую колонию, и что? Есть масса поводов для этого, а вот что происходит дальше — этого не знает никто. К нам просто обращаются люди, которые подозревают неладное, и говорят: человек не выходит на связь, жив ли он, помогите узнать.

— Может быть, у вас есть мысли о том, как можно было бы сделать менее эффективной эту вербовку? Чтобы заключенные не соглашались на эту призрачную свободу?

— Я не буду именно так вопрос ставить. Я всегда приветствую наличие головного мозга и правовую грамотность. Собственно, чем и занимается «Русь Сидящая» практически со дня своего основания — тьму можно победить только увеличением света. Это не только вербовки касается. Вот сегодня было обращение от женщины, что муж держит голодовку. Понимаете, голодовка еще никому не помогала, даже людям гораздо более медийно известным. Тот же Шестун[4], о котором многие издания писали

— помогла ему голодовка? Нет. Знаете, я тоже была в тюрьме[5]. Девчонка, которая там не по

первому разу была, она всегда говорила: «Я за любой кипеж, кроме голодовки». Это не выход. Тут надо понимать, как человек из голодовки выйдет и чего он добьется. Добьется он того, что его будут кормить принудительно через какую-нибудь трубочку, а своих требований — вряд ли. Мы не забываем, что в России человеческая жизнь ничего не стоит, поэтому вообще всем плевать: ну приедет прокуратура проверить, что ты там голодаешь. Ну скажут: слушайте, ну, давайте уже, начните его колоть, надоел он. Ничего человек не добивается. Это я к тому, что как научить, чтобы было лучше? Свою голову ему не приставить.

— У вас есть представление о том, как жизнь в российских колониях поменялась после 24 февраля, безотносительно вербовки?

— Они пишут об этом. На них влияют санкции. Заказы сократились, сокращается работа. Работы нет — нет никаких средств к существованию. Многие их родственники теряют работу, а выжить в тюрьме без какой-то поддержки с воли очень тяжело. Многие так и пишут, что родные потеряли работу, положение очень тяжелое, помогать в тюрьме не могут. В экономическом плане на заключенных отразилось это все. А в остальном — медицины как не было, так и нет, пытки как были, так и есть, как было бесчеловечное, унижающее человеческое достоинство обращение, так оно и есть.

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. Первые сообщения, что «ЧВК Вагнера» вербует заключенных для участия в войне, пришли из Ленинградской области. 2 июля об этом сообщил правозащитный проект Gulagu.net.
2. Заключенный из ИК-2 в Рыбинске рассказывал «Медиазоне», что в его колонии после встречи с вербовщиками «пошли записываться много, очень много, никак не меньше 200 человек».
3. Ольга Романова сказала «Медиазоне», что получила около 200 обращений, но их авторы часто настаивают на анонимности, называя лишь регион и номер колонии.
4. Экс-глава Серпуховского района Подмосковья Александр Шестун осужден на 15 лет строгого режима по обвинению в махинациях с земельными участками. Шестун утверждал, что за его преследованием стоял глава управления «К» ФСБ Иван Ткачев.
5. Бажибина провела два года в СИЗО по обвинению в контрабанде и отмывании денег по делу ООО «Третий Рим» и вышла на свободу после декриминализации статей 174.1 и 188 УК в 2011 году.